

Анна
ШАХОВА

ПРЫЖОК В ЛЕДЯНОЕ
ОТЧАЯНИЕ

ЖУРЬ

Анна Шахова
Прыжок в ледяное отчаяние
Серия «Частный детектив Люша Шатова»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6572320
Шахова, Анна Прыжок в ледяное отчаяние: [роман] : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-081718-4

Аннотация

Прыжок с пятнадцатого этажа Виктории Михайловой необъясним. Она – успешная бизнес-леди, любящая жена. Расследование, затеянное частной сыщицей Люшей Шатовой и оперативником Владом Загорайло, рождает массу версий. Убил муж из-за наследства? Или брат, подставляющий мужа? Коллеги-телевизионщики из-за компромата, что собирает Виктория по поводу «откатов» на канале «Метеорит-ТВ»? А возможно, к делу причастен телебосс-воздыхатель или его ревнивая жена? А тут еще брат погибшей приводит к роковому балкону известного экстрасенса – завсегда психушки. И, похоже, застенчивый колдун-алкоголик Мячиков ближе всех подбирается к истине, но... его закалывают.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	14
Глава третья	24
Глава четвертая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анна Шахова

Прыжок в ледяное отчаяние

*Чем успокоить дух, если назади стоит нечестный,
безжалостный, бесчеловечный поступок?*

Ф.М. Достоевский. Пушкинская речь

*«Останкино сгорело быстро,
а утонуть бы не могло»*

С. Шнуров песня «Москва»

Глава первая

...Решили прогуляться. Это уж точно ни к чему не обязывало. «Сколько же ритуальные выгулы времени отнимают! Приличия блюсти надо, политес разводите... Тоска...» – думал Андрей. Он принадлежал к породе обаятельных ходяков: вроде и посмотреть не на что, а глазенки масленистые, обволакивающие негой, сладко-восторженные. Эта лезущая вперед разума приторность и самому подчас мешала. Так вроде хорошо все с Эллочкой сложилось: и умница, и красавица, и богатенькая, и не жадная. И всегда в форме – макияж, укладочка, ноготки: работа в «Газпроме» обязывает. Так нет! Теперь вот эту Наташу подавай ему волоокою! Недотрога, льдина, типичная училка химии. Дубленка на рыбьем меху, очки и пучок. Вот очки-то с пучком и невероятно трогательная стеснительность и провоцировали впечатлительного Андрея. А еще кожа персиковая. Ходит он вокруг этой «аскезы» неделю, и никаких подвижек. Вся и радость-то: с собачкой ее – рыжей и лохматой, ну просто волосатым колобком – трясись на ледяном ветроуде!

– Натуль, а как порода Патрика называется?

– Шпиц. Андрюш, мы же договорились, никаких Натулей. Мне это...

– Да-да-да... Сдаюсь! Даме не нравится. Только Наташа. И только на отвлеченные темы.

Наташа искоса посмотрела на вымученную улыбку егозливого Андрея. «И что этот щеголь прицепился? В метро избуравил глазами – как первоклассница полыхала алым цветом. Позорище... Может, мама права? Живи, пока живется. Бабий век короток – ищи! Но что с таким искать? Он сегодня в метро увидит другую Натулю и... и что? Жди звонков? Пиши письма по «мылу» мелким почерком? Хватит! Наждалась... Когда придет ТО, настоящее, все будет по-другому. Просто и ясно. А это...»

Пара зашла за угол семнадцатизэтажки, самого высокого здания этого жилого комплекса, выстроенного в современном стиле на старой московской набережной – разноуровневые дома розового кирпича, уютные детские площадки, масса бытовых заведений и магазинчиков.

Патрик заинтересовался отметинами на снегу и вонзил нос в желтое пятно на обледеневшем сугробе. «Какая все-таки гадость эти собачки-кошечки», – подумал Андрей, но брезгливую мысль развить не удалось, так как вверху, под крышей дома, раздался короткий вопль – дикий, как из детских кошмаров, когда пробуждению предшествует миг, который кажется непоправимым, безнадежным...

Полет куклы в развевающемся балахоне занял считанные мгновения. При хрустком ударе тела о снежный наст Патрик сорвался с поводка и с жалким писком помчался за угол. Андрей инстинктивно отпрянул, а Наташа, наоборот, устремилась к золотистому лоскуту.

– Андрей, звони в «скорую»! – крикнула Наташа, бросаясь к женщине, лежавшей в нескольких метрах от них. То, что рухнувшая с высоты – женщина, сомнений не вызывало, длинные каштановые волосы веером разметались по снегу, шелковый халат распахнулся. Загорелое, холеное тело с длинными ногами, правая – вывернута неестественно в колене, смотрелось какой-то киношной несуразностью. На бутафорском снегу лежал манекен со съехавшим париком и в распахнутой накидке...

Андрея, как, впрочем, и Патрика, жавшегося у родного подъезда все время, пока Наташа по телефону вызывала полицию и «скорую», унесло в момент. Ухажер даже не смог выговорить «извини, не могу, ужас» или еще хоть что-то, подобающее этой минуте. Просто испарился, и все. Бросил...

Наталия Юрасова оказывалась главным свидетелем самоубийства сорокапятилетней Виктории Михайловой. Но свидетельница не видела КАК, с какого этажа Виктория выпрыгнула, и не представляла, что этому предшествовало. «Крик – падение – удар». Больше ничего толкового от женщины, которая «держалась молодцом» из последних сил, опергруппе выудить не удавалось.

Муж погибшей, Анатолий Сергеевич Сверчков, невысокий, лысоватый мужчина в домашних шлепанцах, джинсах и расстегнутой вельветовой рубаше перелез через сугроб и раскачивался над трупом жены все то время, пока на вызов ехали полиция и врачи. Мужчина будто впал в транс и совершал какой-то мистический ритуал, подвывая и наращивая амплитуду покачиваний. Когда приехала «скорая», его силком затащили в машину с обмороженными руками и ногами. От успокоительного укола Сверчков мгновенно заснул. «Шок», – сказала усталая врачиха, пожилая и участливая, похожая на собирательный образ нянюшек из сказок. Труп увезли на экспертизу. Мужа самоубийцы приводили в чувство врач и медсестра, а опергруппа из трех человек поднялась на пятнадцатый этаж, в квартиру погибшей.

В распахнутую настежь дверь полицейские входили с понятиями: суетливой соседкой лет пятидесяти и ее неповоротливым мужем.

– У них не принято курить в доме – Вика бросила и гоняет Толю на лестницу. Ну, он и курил, видимо, а Вика в этот момент, оставшись в квартире одна... Ох, ужас-то какой... – Тараторящая тетка остановилась перед раскрытой балконной дверью, нервно подергивая под подбородком ворот вязаной кофты.

Следователь Епифанов, грузный, хмурый мужчина неопределимого возраста – и сорок можно дать, а можно и все пятьдесят пять – внимательно исследовал балкон. Никаких следов борьбы. Домашняя туфля хозяйки валялась в комнате, рядом с балконной дверью. Второй не видно, скорее всего лежит в снегу? Это забота оперативников. В квартире царил арктический холод и идеальный порядок. То, что хозяйка – люди зажиточные, не вызывало сомнений. И мебель, и техника, и ковры, и хитро закрученные шторы на окнах, и картинки в диковинных рамках, и впечатляющая джакузи в ванной – все с печатью «высший класс». «Ну, вот сколько нужно зарабатывать, чтоб так жить? Кем быть? И почему при всем том жить становится вдруг невозможно?» – думал раздраженно Алексей Алексеевич Епифанов, рассматривая большую фотографию на стене: красивая изящная женщина, склонившись, обвиняет руками сидящего, смущенно улыбающегося мужчину, явно не героя любовного романа: лысоватого, круглощекого, ну, разве что с глазами искристыми и добрыми. Вот такая семейная идиллия запечатлена на замечательном супружеском фото. А что на деле? В квартире, судя по всему, в момент самоубийства Михайловой находились двое: она и муж.

– Чем занималась покойная? – следователь расположился на кухне за огромным круглым столом, напомиравшим вертолетную площадку, и пригласил соседку – Галину Вадимовну Карзанову – присесть напротив.

Галина Вадимовна пристроилась на краешке плетеного ротангового кресла, как на жердочке. Заводила-закружила крупными мужскими ладонями с короткими ногтями по столешнице:

– Викочка – настоящая бизнес-леди. В хорошем смысле слова. Человек дела. Какой-то неумной энергии. Она и переводчик, и журналист, и экономическое образование у нее. Работала на телевидении долгие годы, сейчас вот крупную должность заняла. На канале... Их сейчас так много, я не помню точно, на каком. То ли «ТВ-планета», то ли «ТВ-комета». Что-то познавательное-развлекательное. Но Викочка там всю ответственную работу на себя взвалила. Так и говорила мне: с финансами у них просто бандитизм. Не знаю, что имела в виду. Не знаю... – Женщина отчаянно затрясла головой.

– В общем, на работе все складывалось непросто. А в семейной жизни?

– О-о, ну тут другое дело. Они со студенчества с Толей живут душа в душу. Жили... Нет! – Карзанова резко обхватила лицо ладонями: – Не могу сказать «жили». Не выговаривается...

– Да ты про Лизу расскажи! Может, это важно... – подал голос от двери молча стоящий до этого момента муж свидетельницы.

– Ах да! Полтора года назад произошла трагедия. Только все забываться стало... Да разве такое забыть?! Дочка их, Лизочка, погибла в Крыму. Пошла ночью купаться и утонула.

– Она что же, одна в Крым поехала?

– Да нет, что вы... С мужем, Олегом, и с дочкой маленькой... По-моему, Маргоше тогда два годика исполнилось, и Викуля с ними. Она всегда с Лизой, как насадка. А уж с внучкой, когда ее на выходные привозили, – ну просто как ненормальная бабка, честное слово.

– Значит, несчастный случай произошел. Это точно установлено? Так? – Следователь буровил свидетельницу немигающим взглядом, будто именно она и была повинна в несчастном случае с Лизочкой.

– Конечно, несчастный случай! А что ж еще? Лиза поехала с мужем из Ялты на экскурсию в Севастополь. На два дня... Вика с внучкой осталась в Ялте. И, насколько я поняла, ночью, после ресторана, молодые купаться пошли. Вернее, Лиза одна пошла... Ой, не знаю! Вы у Толи все спрашивайте! Знаю лишь, что труп Лизочки на берег выбросило и... все-все... – соседка начала всхлипывать, мотая головой.

– И эта трагедия могла стать причиной самоубийства Михайловой?

– Ой, да нет... Уж если тогда они все это пережили как-то. Мы-то не лезли с участием. Вика с Толей вообще не общались ни с кем. А уж теперь-то – все выровнялось, жизнь вроде только наладилась. И работа у нее, и внучка, как вторая дочка, подрастает и... не представляю... – Карзанова расплакалась в голос. В этот момент в квартиру вошли двое: высокий рыжеватый мужчина с безумным, затравленным взглядом вел под руку обмякшего, едва передвигающего ноги мужа Михайловой. Увидев на кухне следователя, рыжий крикнул:

– Это все Аникеев! Это мерзавец Аникеев виноват в смерти Вики! Я... я уничтожу гада! – Мужчина приткнул на пуфик у входа, будто тряпичную куклу, Сверчкова, и, преодолев пространство коридора в два спринтерских шага, предстал перед следователем, подергивая кривым ртом.

– Да вы присаживайтесь... Вы кто будете-то? – Епифанов попытался миролюбивой интонацией успокоить взвинченного мужчину.

– Я-то брат родной! А вы должны первым делом проверить телефон Вики. Все там! Все увидите своими глазами – все эти мерзкие угрозы, что довели... – «Брат родной», впившись руками в волосы, будто собираясь драть их, рухнул на кресло, с которого вскочила Карзанова. Соседка бросилась к чайнику – налить воды.

– На, Валюш, попей. – Женщина пыталась всунуть в руку мужчины чашку, но он оттолкнул ее, и вода выплеснулась на плиточный пол.

– И почту! Почту ее проверьте! Там тоже, я уверен, масса компромата на этого убийцу, который довел, довел Викчу... – Мужчина вдруг громко, лающе зарыдал на высокой ноте.

– А где врач со «скорой»?! – крикнул в коридор то ли оглушенному горем вдовцу, то ли оперативнику, топчущемуся на пороге, следователь.

– Да все уже... – махнул рукой Сверчков. – И так полдня со мной провозились. Отпустил я их. При чем тут лекарства? Кончилась жизнь! От смерти лекарств нет. – Анатолий Сергеевич попытался встать, его под руку подхватил оперативник – крепыш Ерохин. – Я в комнате лягу. Можно?

– Конечно, Анатолий Сергеич. Чуть позже я с вами побеседую. И врач вам все-таки еще нужен, как ни крути... – Следователь сострадал мужчине, но совершенно не умел выразить это ни словами, ни жестами.

Карзанова отыскала в холодильнике валокордин, накапала лекарство в стакан, и брат покойной, Валентин, выпил его залпом, запрокинув голову.

– Может быть, врача? – спросил у него следователь, недоверчиво глядя на покрытый испариной лоб страдальца.

– Нет! Я в порядке. Я хочу говорить. Да... Вот мой паспорт. – Мужчина полез во внутренний карман пуховика и достал «корочку».

– Мы с Викой близнецы. Викча и Вальча. Как клоуны – Бим и Бом... – Теперь он заплакал тихо, обиженно, как ребенок.

– Примите мои искренние соболезнования, Валентин Владимирович, – как можно сердечнее сказал следователь и, удрученно покачивая головой, переписал данные Михайлова в протокол. Покончив с этим, он приступил к расспросам:

– Кто вам сообщил о случившемся?

– Да в том-то и дело, что никто не сообщал! В том-то и дело, что я, наверное, мог предотвратить этот кошмар, это... – Валентин снова схватился за волосы, но, сделав усилие, овладел собой:

– Викча позвонила мне в каком-то несвойственном ей, просто ненормальном возбуждении. Это было часа два назад. Я был с женой в супермаркете. Ну, и сестра выкрикнула, что, мол, немедленно приезжай, тут ситуация неуправляемая и... жуткая, что ли, она сказала, или... роковая. Какое-то необычное, «не наше» слово. Вика ТАК никогда не говорила. Она с юмором, умница великая, а здесь шекспировские просто определения... А я не мог, ну не мог вот так бросить жену с сумками, я ведь не знал, что все чудовищно настолько, и потому загрузил машину всякой никчемной курятиной и йогуртами, черт бы все это побрал! – И мужчина снова лающе зарыдал.

Следователь угрюмо выжидал, уже зная, что Михайлов справится с собой.

– Пока отвез жену, пока по пробкам-заносам дополз – вот к «скорой» и приехал...

– Вы считаете, что вашу сестру кто-то довел до самоубийства?

– Так это я вам и толкую! – мужчина вскочил со стула и, сбрасывая на ходу куртку, закричал: – Где Викин мобильный, Толя?! Она все эти угрозы сохраняла – копила компромат на ублюдков. И компьютер, Толь, немедленно включи! – Последние слова он выкрикивал уже в комнате.

Следователь пошел за мечущимся Валентином. Компьютер оказался включен: в кабинете Михайловой на огромном письменном столе были разложены бумаги – кипа договоров. Майор Епифанов взял верхние, скрепленные степлером листки. Договор с рекламным агентством. В приложении прописывалась сумма договора. С пятью нулями.

– Вот! Телефон ее, кстати, тут, на столе! – Валентин потрясал перед лицом Алексея Алексеевича аппаратом.

– Так... Тринадцать тридцать одна! Вот когда она мне звонила! Полтора часа назад! А теперь ищите сообщения от Аникеева!

Следователь взял у Михайлова аппарат, неловко потыкал в него толстыми пальцами, прочел эсэмэску, сдвинув натужно брови: – И в чем вы видите угрозу?

– Как?! Что значит, в чем? – Валентин обескураженно шлепнулся в кресло, «подкованное» колесиками, откатился на нем, будто отшатнувшись от туповатого дознавателя: – Вы не понимаете, что речь идет о войне?! Завотделом кинопоказа во всеуслышание объявляет войну новому коммерческому директору, которая стала бороться не на жизнь, а на смерть с чудовищными откатами, правящими бал в нашей редакции. Впрочем, как и во всей стране... Я, между прочим, тоже работаю на «Метеорит-ТВ»! Режиссером на эфире. И уж я-то всю подноготную финансовых афер, как мне представляла их Викча... Виктория Владимировна, готов поведать в любой, подчеркиваю – в любой инстанции! Я выведу этих убийц и казнокрадов на чистую... – И близнец яростно замахнулся.

– Валентин Владимирович, я уважаю, понимаю вашу боль, но... по-моему, абонент как раз выступает против войны: «Я не позволю подбрасывать червивое яблоко раздора и развязывать Троянскую войну!!!» Три восклицательных знака, между прочим. И потом... Это вряд ли можно вообще счесть угрозой жизни или здоровью. Да вообще непонятно, о чем речь! – Алексей Алексеевич уже порядком вспотел и грубо скинул куртку на диванчик, застеленный пестрым шелковистым покрывалом. Сам уселся рядом, будто провалился в гнездо, выстланное атласом, и изучал сообщения в телефоне, отведя руку от себя, как человек дальнотворкий.

– Так. Она пишет позавчера абоненту «Аникеев»: «В ваших ав... авгиевых конюшнях слишком смердит – одному Гераклу не справиться». И еще, позже: «Бойся данайцев, дары приносящих». Так. Что он ей отвечает? Смотрим входящие. Вот. Аникеев: «Икар, крылышки из воска тают быстро и непоправимо»

– Видите?! Прямая угроза! Чик-чик мы тебе крылышки, мол...

– Ну, не знаю. Какие-то упражнения в эрудиции. Это что-то из древней истории?

– Из древнегреческих мифов! – Михайлов будто плюнул в следователя фразой. И отвернулся. Что, мол, с неучем разговаривать...

– Хорошо, мы приобщим телефон к делу, как, впрочем, и компьютер. Сельванов! Коля! Если ты там закончил, то давай сюда! – заорал следователь эксперту, работающему в большой комнате. Компьютер, телефон, деловые бумаги Михайловой изъяли, и следователь решил, что пора поговорить с вдовцом.

Когда Епифанов вошел в спальню, где поверх покрывала на массивной кровати орехового дерева лежал Сверчков, то на мгновение оцепенел: «Господи, неужели еще один труп?» Анатолий Сергеевич лежал на спине, странно закинув голову и открыв рот. Но нет, мужчина повернулся к следователю, привстал.

– Ничего... Сердце немного прихватывает, но я прыснул нитроглицерин. Нормально сейчас. – Мужчина беспомощно откинулся на подушку.

– Лежите, не беспокойтесь. Если нет сил, то отложим разговор, Анатолий Сергеевич.

– Нет-нет. Лучше сейчас. Спрашивайте. – Сверчков махнул рукой, чтоб Епифанов сядил у туалетного столика с вычурными кривыми ножками. Следователь неуклюже бухнулся на пуфик.

– Что предшествовало... беде?

– Ничего особенного. Это и страшно, что ничего не предвещало... Я только сейчас понимаю, какой ад творился в душе у Вики. Она ВСЕ скрывала. Она все держала в себе, не хотела меня мучить.

– А что именно скрывала?

– Все! Еще боль не утихла после гибели дочери. Да это и не может утихнуть, но как-то мы преодолевали... – Анатолий Сергеевич прижал руки ко лбу, отрывисто задышал. Дозна-

ватель только сейчас заметил на столике фотографию красивой рыжеволосой девушки, которая хохотала, закинув руки за голову. «Дочка. Похожа на мать. А глаза лучистые, в отца...»

– Вика находила смысл жизни во внучке, в работе. Но новая работа стала для нее просто каторгой. Это все долго объяснять, и, может, лучше вам расскажет кто-то из сослуживцев. Если это вообще нужно.

– Какую должность занимала ваша жена и на каком канале?

– На «Метеорит-ТВ» она стала коммерческим директором шесть месяцев назад. Владелец сменил руководство и... Лучше спросить на канале, ей-Богу.

– Вы считаете, что жена находилась в тяжелой депрессии?

– Да. Теперь понимаю, что – да. А как еще все это объяснить?

– А что можете сказать об угрозах в ее адрес?

– Ну, «Я убью тебя» – такого, конечно, никто ей не говорил. Но в редакции ее не любили. Я имею в виду верхушку. С рядовыми сотрудниками как раз все складывалось хорошо. Вика, собственно, и отстаивала до некоторой степени их интересы. И интересы учредителя. – Сверчков потянулся к тумбочке, взял какой-то пузырек, вытряхнул таблетку на ладонь, взял ее губами и засосал, откинувшись на подушку.

– А что конкретно предшествовало трагедии? По часам, если можно.

– Я встал в половине восьмого. Так я привык. У меня обычный рабочий график – пятидневка. У нас с другом маленькая фирма по установке домофонов и простейшего видеонаблюдения.

– А почему в рабочий день вы с женой находились дома?

– Грипп. Два дня назад затемпературила Вика, но сегодня почувствовала силы поработать за компьютером. Ну, что еще? – Вдовец вдруг часто задышал, будто ему не хватало воздуха, но быстро «раздышался» и заговорил отрывисто:

– Готовил суп с утра, с фрикадельками. Немного прибрался. Посидел перед телевизором. Все было так тихо, так спокойно. – Сверчков вдруг скривился, его губы задрожали, и мужчина беззвучно заплакал. Епифанов молча ждал. Он знал, что, когда человек начинает плакать после оцепенения, это значит, первый шок проходит. Анатолий Сергеевич вытер ладонями лицо, как умылся, заговорил быстро и сухо:

– Она была все утро в кабинете. Звонила, писала письма по электронке, просматривала договоры, которые все, на ее взгляд, были липовыми. В час я позвал Вику обедать – она еще не хотела. Я один поел супа, покурил на лестнице и решил прилечь почитать. Уже был второй час. У нас звуконепроницаемая дверь в спальне – Вика очень чутко спит. Поэтому тут и окна, и дверь такие. Я заснул. И проснулся будто бы от толчка какого-то. Я ничего не слышал. Такое странное чувство. Страшное. Возможно, отголосок Викиного крика и был тем толчком. Она ведь кричала, так говорила та девушка на улице. – Мужчина сел на кровати, будто пытаясь что-то вспомнить. Что-то важное, ускользающее из памяти. – И я выбежал. И... балкон. Открыт. Я закричал – Вика, Вика, Вика... – Сверчков стал задыхаться, тянуть руки, на лице его появилось выражение ужаса, который он вновь остро переживал.

– Дальше я помню плохо. Выбежал на балкон, посмотрел вниз, но будто ничего не понял. Помню девушку в синей шапке. Вику не помню. Или не могу вспомнить. Как спустился вниз и что делал, тоже не помню. Видимо, кричал, раз вышли соседи.

– Успокойтесь, Анатолий Сергеевич. Довольно. Я думаю, вам необходимо заснуть. И врача я все же вызову.

Когда Епифанов вышел из спальни, его атаковал Валентин:

– Смотрите, что нашел ваш эксперт! – Брат погибшей схватил майора за рукав, потащил к балкону.

– Вот! За плинтус зацепилось несколько шелковых нитей!

Следователь вопрошающе уставился на эксперта Николая Сельванова, молодого тощего парня, похожего на куренка, – с тонюсенькой шеей и острым носом-клювиком. На этом сходство с глуповатой птицей заканчивалось. Сельванов принадлежал к разряду молодых, да ранних.

– Нити явно от халата погибшей. Возможно, ее тащили к балкону, она сопротивлялась, в момент борьбы упала, зацепилась халатом за стык в плитусе. Кстати, за версию борьбы говорит и домашняя туфля. Одна, вы помните, была у балконной двери, а вторая – вот тут. – Эксперт прошел через комнату, похлопал по красному кожаному креслу. – Под креслом она лежала. Спрашивается, зачем самоубийце разбрасывать туфли? И потом: погибшая не оставила предсмертной записки. Не странно ли для такой... для такой сильной женщины?

Алексей Алексеевич пожал плечами:

– Она была в невменяемом состоянии, по всей видимости. Это показывает и Валентин Владимирович. Возможно, металась. Состояние аффекта. Непонятно только, что ее повергло в такое состояние?

– Да никакого аффекта не было! Что за бредятина! – завопил Валентин. – Да, она возбужденно говорила со мной по телефону, но Вика была в трезвой памяти и в полном здравии. Простуда не в счет. И я теперь вообще все понял! Пока Толька дрых, как всегда, после обеда, Вика пустила в квартиру убийцу. Потому что знала его, убийцу-то! Мне успела позвонить, почувствовав угрозу жизни. А тот ее толкнул с балкона! Инсценировал самоубийство.

– И никто ничего при этом не слышал? Криков, борьбы, падающих предметов? И почему она звонила вам, а не бросилась к мужу, в соседнюю комнату?

– А вот с этим вы и разбирайтесь! Может, убийца оглушил сестру, привязал или... Я не знаю что! Ищите! Действуйте! Не стойте с тупым видом!

– Успокойтесь, Валентин Владимирович. Следствие будет проведено со всем тщанием, но без никчемной суеты. – Епифанов тяжелым взглядом будто припечатал несчастного брата погибшей к креслу, в которое тот рухнул, вновь вцепившись с неистовством в свою рыжую шевелюру.

Сорокатрехлетний Александр Шатов с трудом приткнул свой сундукоподобный джип между двумя вмерзшими в сугроб легковушками. Невыносимо! Ну невыносимо парковаться зимой в центре Москвы! Три круга вокруг помпезного офисного здания, где располагалась радиоккомпания «Счастливое радио», в очередной раз подвигли его к решению раз и навсегда отказаться от вождения машины в будни, по заваленному черными сугробами городу, где, кажется, в семьях уже не по две, а по четыре машины! Впрочем, раздражение унялось, едва он переступил порог делового центра: гранит, кадки с пальмами, гостеприимные лифты, поющие при открывании в терцию, флористические изыски-картины на лазоревых стенах. Четвертый этаж занимало «Счастливое радио». Шатов любил приходить сюда. «Лучший голос российского эфира» и красавец мужчина вел две программы, которые считал не работой в сущности, а приятным времяпрепровождением. Одну – коротенькую, записную, под названием «Авто на счастье», ему «собирала» редактор Верочка. Программа касалась новостей авторынка. В этой теме Александр слыл докой и потому подправлял явные несуразности Верочкиных «информашек», любовно пестовал фразы, вылушывая техническую заумь, и придавал текстам бо́льшую разговорность. Потом он в лихой манере все это зачитывал. Вторая программа выглядела посложнее. Изначально часовые «Письма о любви» прочили вести поднаторевшей в слезливом жанре Василисе Горенштейн – эфирный псевдоним Васса Золотова. Но ее интимного придыхания и так хватало с избытком на пространстве волн, отведенных станции, и потому послания влюбленных, любящих, покинутых, вступивших в брак и ищущих свою любовь, перемежающиеся песнями в «тему» (благо шлягеров о счастливой и несчастной любви человечество насочиняло в несметном количестве), зачитывал и

комментировал добродушный Шатов. Поначалу он, как человек закрытый и неэкспрессивный, ежилась от слезливых, нежных или, наоборот, гневных исповедей слушателей, которые могли и истерический фортель выкинуть в прямом эфире, но постепенно втянулся и наловчился тактично гасить эмоции рассказчиков. Впрочем, большинство слушателей ограничивались радостными пожеланиями счастья и заверениями в любви своей второй половине. «Передавайте привет...», «А что хотела бы услышать ваша суженая?..», «Давайте с удовольствием послушаем группу “Ля-ля”»... – словом, программа пролетала для Саши быстро и весело. До последнего времени...

С нового года все производные от слова «любовь» будто вязли у него на языке. Да просто рождали какую-то духовную изжогу! Он не мог на эту простую и понятную для него все двадцать лет супружества тему ни говорить, ни думать. И будто переоценивал с недоумением и болью не только слова, но и события, устои всей своей жизни. Шатов не признавал никаких сложностей, рефлексии и полутонов. Конечно, он не был законченным дуболомом, и его взгляды и пристрастия на протяжении этих двадцати лет претерпевали эволюцию. Это могло касаться всего, чего угодно, – политики, искусства, привычек, но только не жизненного пространства – вселенной под названием СЕМЬЯ. Без Люши и Котьки, жены и сына, он жизни не представлял. И теперь черной завистью завидовал школьному приятелю Ленке, которому всю жизнь, кроме душевного комфорта и покоя, ничего не было нужно. Поэтому он и не уживался ни с одной из своих жен. Очень хороших, но отчего-то всякий раз лишних. Вместе с детьми. Во всем этом Шатов видел лишь душевную неустроенность и эгоцентризм. Но теперь... Теперь он вообще не мог давать оценок ни людям, ни явлениям. Каких-то три месяца назад в его жизнь вошла Танечка и все перевернула вверх тормашками!

Придя в сентябре преподавать в Школу телевидения, Шатов сразу отметил эту статную шатенку с броским макияжем. Позже она рассказала, что «ужасная подводка» называется смоку-эффект. Очень модно. Впрочем, модная Танечка оказалась самой прилежной ученицей. Умненькая, непосредственная, реагирующая на каждое замечание преподавателя «как надо». Ее прозвали в группе Мисс на лету. Александр Михайлович без конца ставил Татьяну Земцову в пример за то, что она все схватывает моментально: работа над артикуляцией, умение импровизировать, редактирование «тассовок» – все у нее выходило ладно, быстро. За легкостью, смешливостью и нежным румянцем двадцатилетней студентки проглядывал стальной характер. Девочка приехала из Рыбинска в Москву делать карьеру. Тысячи раз Александр прокручивал эти воспоминания в голове. Дождь со снегом, ветрило, темень. Конец ноября. После занятий к боку его машины жалась фигурка в курточке.

– Что же вы мерзнете, Таня?

– Мне необходимо сказать вам, Александр Михайлович. Это коротко... Я... я не могу без вас жить.

Шатов так растерялся, что вместо ответа судорожно дернулся в нутро джипа, долго пристраивая на сиденье портфель.

– И не делайте вид, что вы не слышите! Я буду за вас бороться! За что еще и бороться в жизни, как не за любовь?

Когда он решился выглянуть, то бок машины, у которого только что стояла Танечка, казался обиженно голым и стыдящимся своей межсезонной неопрятности.

Обескураженный и смущенный, Саша торопился домой, чтобы с гордостью рассказать Люше (так он называл любимую жену Юлю-Юлюшу) о трогательном порыве своей студентки. Классика жанра – «профессор» в сонме влюбленных «курсисток». Какое повышение самооценки! Но, переступая порог дома, Саша знал, что не сможет рассказать этой «забавной истории» жене. И вовсе не потому, что не хочет будоражить ее ревность. Вернее, не только поэтому. Промучившись неделю, Шатов позвонил за советом Ленке.

– Она цепляется за тебя из карьерных соображений! К гадалке не ходи! А ты что, уши развесил и слюни пустил? Глупо. Плюнь! Или порекомендуй ее в какую-нибудь редакцию. Да хоть администратором для начала. Это, кстати, станет проверкой, если и в самом деле поверил ушлой «фам фаталь».

На следующий день после лекции, на которой Танечка вела себя абсолютно невозмутимо, будто вся история в дожде и ветре привиделась преподавателю «мастерства ведущего», Шатов окликнул ее, выходящую из аудитории.

– Госпожа Земцова! А вас я попрошу остаться! – Он, пытаясь скрыть смущение, копался в портфеле.

– Надеюсь, не для препровождения в пыточную камеру? – парировала Танечка. Студентки, замершие на пороге в нескрываемом любопытстве, захихикали.

– Нет. Для конструктивного диалога.

Танечка решительно закрыла дверь перед любопытными подругами.

– Я не хочу делать вид, Татьяна, что ничего не произошло. Слово не воробей... и... довольно цитат! Я ценю вашу искренность, но гораздо больше ценю ваш крепнувший профессионализм. И потому хочу порекомендовать вас главному редактору «Столицы ФМ». Им нужны корреспонденты. Новости там идут по сто раз в день, и вы можете рассчитывать на гонорары. Если, конечно, репортажи вы станете делать приемлемые. Деньги поначалу мизерные. Но все, как говорится, в ваших руках. Дерзайте!

Танечка долго молчала, изучая серый ковровин на полу. Потом подняла на Шатова яростные глаза, в которых стояли слезы:

– Вы хотите откупиться от моих чувств, составив мне протекцию? Спасибо. Забудем все! А корреспондентом лучше пристройте Бубнова Сеню. Он скоро с голоду в Москве вашей подохнет.

И решительно вышла...

...Час спустя, около хрущевки на окраине Москвы, где Танечка снимала квартиру с подругой, Александр неистово и грубо – так, как никогда не посмел бы обращаться с женой, то ли брал, то ли расправлялся с «любящей» студенткой на заднем сиденье своего автомонстра. Монстр с ужасом ухал, Танечка визжала и извивалась, а Шатов неистово «бичевал» искусительницу, которая властно и стремительно ворвалась в его жизнь, перекорежила ее, придала ей новый вкус, ритм, цвет. С того вечера он не мог отказаться от этой приторной горечи, от жара и совершенства юной плоти, от силы неизведанного донныне чувства. Они приезжали после занятий в съемную хрущевку любовницы, которая договаривалась с подругой-соседкой, чтоб та уходила гулять по средам с десяти до одиннадцати вечера. Это стало их временем. И именно по средам он вел любовную программу на радио. Словом, вся среда становилась Танечкиной, горячечной. Радийщики, подметив, что Шатов в последнее время вечно не в духе, с расспросами не лезли, но поговаривали, что кураж он потерял и «Письма...» придется отдать на откуп злорадствующей Золотовой.

Едва Александр вошел в редакторскую комнатку и поздоровался с пискнувшей «Добрый день» Верочкой, как в кармане завибрировал мобильный. Саша не успел сказать «Алло», как зычный, срывающийся на истерику голос режиссера Вальки Михайлова прокричал:

– Саш, необходима твоя помощь! Срочно! Беда с Викой. Викчи... нет! Вчера... – громкие лающие всхлипы оборвали его речь.

– Валь, да что такое? Что...

– Погибла Вика моя! Убили ее! Я уверен...

– Господи помилуй, – Шатов осел на Верочкин стул, с которого она вскочила, по-птичь выткнув голову с рыжим хохолком.

– Я не могу... Не буду ничего рассказывать, только умоляю тебя. УМОЛЯЮ! – Михайлов крикнул так громко, что Верочка отпрыгнула от Шатова, которого пожирала до того подведенными глазками, в изумлении накренив птичью головку.

– Помоги со следователем, который тогда раскрыл покушение на тебя. Ну, что-то гадкое тогда у вас приключилось... – Михайлов не мог в таком состоянии подбирать корректные формулировки.

– Да... Валь, но дело происходило не в Москве, и следователь тот не московский... – мямлил растерянный Шатов.

– Неважно! Я оплачу! Мы с Толей все отдадим, чтоб наказать, уничтожить! – Михайлов снова зарыдал, на этот раз, видимо, прикрыв трубку. Через пару секунд, впрочем, закрычал с новой силой:

– Тут нужен надежный, профессиональный человек. Эти толстоморды от полиции ни черта не желают делать! Они до сих пор не допросили Аникеева! А ты ведь понимаешь, ЧТО произошло?! Ты понимаешь?

Шатов плохо понимал, но предпочел промолчать.

– Хорошо-хорошо, Валюш. Я... просто в ужасе. Ты держись, я позвоню, я узнаю. Я с тобой.

– Спасибо, Саш, спасибо. Не могу принять это, понимаешь? Не могу это... – В трубке забили гудки.

– Что-то случилось с вашими близкими? – шепотом спросила Верочка, прижав руки к впалой грудке.

– Случилось. Не с близкими, но...

Телефон зазвонил вновь, и Александр, уверенный, что это вновь Михайлов, крикнул:

– Да, Валюш? Да?

– Это что еще за Валюш? Ух ты, Шаша какой! – В игривом голоске Танечки слышался испуг.

– А, привет. Тут беда у приятеля. У коллеги. Я потом тебе перезвоню. – Шатов встал со стула, пошел к дверям – ему срочно требовалось перекурить.

– О, как все страшно, – холодно сказала Танечка.

– Да, страшно. Я не шучу. И некогда мне, честно говоря, перед эфиром.

– Ну ладно, Шаш, – Танечке очень нравилось детское прозвище, которое она придумала для любимого, присоединив первый слог его фамилии к имени.

– Я просто хотела тебе сказать, что моя соседка Ленка уехала вчера срочно к своей бабке двоюродной. Ну, той, что не пустила ее жить сначала, а теперь спешно призвала – что-то там произошло. Короче, я одна проживаю, и ты, я надеюсь, понимаешь, чем нам это грозит? – замурлыкала Танечка.

– Не знаю, Танюш, смогу ли я вообще в ближайшие дни, – прикуривая, бормотал-оправдывался Шатов. В отведенный для курения закут явились две пышнотельные тетки с «выпуска», шумно и беззлобно препираясь. Шатов кивнул им и отвернулся.

– Изумительно, – выдержав паузу, решила обидеться Танечка. – Я надеюсь, ничего страшного с твоим семейством? – съязвила она.

– Мое семейство ни при чем. Я потом тебе позвоню. – Сашу впервые раздражал голос и намеки любовницы. Впервые она ошиблась с интонацией. И именно это подсознательно царапнуло Сашу. Она не «чувствовала» его.

Глава вторая

Майор Епифанов допрашивал панически испуганного Станислава Владиленовича Аникеева не более 20 минут. За это время начальник отдела кинопоказа компании «Метеорит-ТВ» дважды выбежал из своего кабинета по острой нужде, после чего выпивал по стакану минеральной воды, которую, наливая, всякий раз расплескивал по полированному столу. Потом он так истово тряс перед лицом Епифанова зажженной сигаретой, что у того мушки запрыгали перед глазами. Редко кто из опрашиваемых свидетелей вел себя в присутствии бывалого следака так малодушно. Паника пятидесятилетнего блондина – крупного, с мясистым ртом и прозрачными глазами, ничего, кроме испуга, не выражающими, не могла не навести на мысль о явной причастности Аникеева к смерти Михайловой. Впрочем, помнил Алексей Алексеевич панику одной задержанной по поводу смерти ее сотрудника, который, кстати, погиб от удара током по неосторожности. Дамочка же тряслась из-за того, что в момент смерти электрика ну никак не могла оказаться на месте происшествия, так как для своего семейства находилась в командировке. А на самом деле дама вечера и ночи играла в казино, а днем приходила к себе в офис отсыпаться. Впрочем, этот случай еще раз доказывал, что невроз не бывает беспричинным. Что-то мучило этого немужественного Аникеева.

– Итак, Станислав Владиленович, вчера, двадцать пятого февраля, в половине первого дня, вы совещались с программным редактором по поводу сетки на будущий месяц. И сколько эта встреча длилась?

Аникеев расправился наконец с пляшущей в его руках сигаретой, хлопнув ею о пепельницу.

– Нет-нет, – замотал он головой, – около часу я, кажется, обедал в кафе напротив. Вон там, внизу, у нас приличное кафе. – Он указал дрожащей рукой в сторону окна. – Я до часу дня ничего не ем. Я совсем не могу есть по утрам – только кофе немного и воды. А к часу хочу мяса! Я не могу без куска хорошего мяса. Просто не соображаю ничего. – Аникеев плотоядно похлопал губами. У Епифанова даже забулькало в животе, он бы тоже сейчас не отказался от Лилькиных котлет. Но жена старалась держать Великий пост, и муж вынужденно довольствовался покупными биточками.

– Обедали в одиночестве?

– Нет-нет – с нашим бухгалтером. Пал Михеичем Вострым.

– А после обеда?

– А вот после обеда уже крутили «сетку» с Ингой Евгеньевной. Это наш программный директор. Жернову позови, Катя! – Аникеев вскочил, подавшись в сторону приемной.

– Не нужно никого звать! – рявкнул следователь. – Я сам решу, с кем и в какой последовательности беседовать.

Завотделом, поджавшись, скорбно сел. Он не привык к приказному тону.

Следователь протокольно продолжал:

– Меня интересует время с часу дня до половины третьего. Виктория Владимировна погибла около двух. Этому предшествовал ее неприятный разговор с кем-то. Или встреча. Или какое-то происшествие, что вывело ее из равновесия.

– Да не было у меня с ней никакого разговора – ни приятного, ни неприятного! Я вообще предпочитал с ней поменьше общаться. – Аникеев демонстративно отвернулся от Епифанова.

– По словам близких погибшей, она переживала из-за ситуации на работе. Станислав Владиленович, что за конфликт у вас был с Михайловой? – Похоже, что вопрос прозвучал для Аникеева приговором. Он судорожно вскочил, забежал вокруг стола, то поднимая руки, то складывая их на груди, будто обороняясь.

– Это все фантазии ее... неадекватного брата! Это Валентин Михайлов насочинял, да! Он и мне тут угрожал, бегая с кинжалом! Ну, не с кинжалом, а... это я образно! Образно! Но вы же вменяемый человек, вы же наверняка проверили ее телефон, почту или что там еще? Я просто не мог в тот день ни быть с ней, ни говорить.

– Но все-таки конфликт существовал? На коммерческой почве? – Епифанов тяжелым взглядом уставился на усевшегося наконец Аникеева.

– Нет! – завопил он, снова вскакивая и судорожно выдвигая ящики стола.

– Вот, проверяйте! Ройтесь в документах! Сличайте! Я ничего противозаконного не делал! – завопил он, кидая на стол бумаги. – Бюджеты на все фильмы утверждались главным, и все проходило по безналу. Все всегда было прозрачно! И фантазии Михайловой... Я больше ничего не буду комментировать без адвоката! Довольно! – И Станислав Владиленович выбежал из кабинета, хлопнув дверью.

Алексей Алексеевич придвинул к себе бумаги, прочел шапку договора с компанией «Интересное кино» на производство документального фильма «Колокольных дел мастера», хронометраж сорок шесть минут. Следователь изучил приложение к договору. Бюджет на благостную тематику выделялся основательный – девятьсот пятьдесят тысяч. Или это и в самом деле немного? Следователь помнил, что в художественном кино счет идет на миллионы. Долларов. «Ох, морока с этими кинодеятелями...» Епифанов вышел в приемную, спросил у обиженной на все и вся секретарши, как найти главного редактора, и отправился на поиски его кабинета под роковым номером тринадцать.

Главный редактор канала оказался также человеком нервическим, но полностью владевшим собой. Довольно молодой для такой должности, не более тридцати-тридцати двух лет, ершистый, развязный, простоватый (брат погибшей Михайловой характеризовал его как булгаковского Шарикова), он все же производил впечатление человека на своем месте. И с головой, и с речью, и с организаторской хваткой у Антона Михайловича Протасова все было в полном порядке. За время краткого знакомства со следователем он «разрулил» две «катастрофические ситуации», с которыми к нему прибегали подчиненные.

Со спорным в правовом отношении проектом «Ужасы мегаполиса» он поступил категорично:

– Закрывать к е...! Поставить вместо него в повторе сериал НБС о дикой природе, который обходится каналу в сущие копейки.

С негодующей телезвездой Зиной Катаваки Протасов избрал совершенно иную политику. Он выбежал в приемную, услышав гневные модуляции дивы, чуть не на руках внес ее в кабинет, усадил в кресло, подобострастно устроился у точеных ножек и протянул листок, на котором чиркнул что-то за секунду до этого золотой ручкой.

– Это компенсирует моральный ущерб, непревзойденная Зизи?

Импульсивная Зизи, будто подавившаяся извечной скороговоркой под натиском главного и осознанием цифры, отображенной на листке, зарделась и притихла.

Епифанов, примостившийся на стуле, почувствовал себя кадкой с засохшим фикусом, на который никто обращать внимания не собирается. Но Протасов уже облобызал ручки успокоенной звезды и выпроводил ее из кабинета. Посмотрев устало на следователя, развел руками, мол, хочешь жить, умей вертеться.

– Присаживайтесь поудобнее, в кресле. Чай, кофе?

– Спасибо, но нет...

– Да бросьте! У нас отличный кофе. Время вообще обеденное.

На последнем слове в кабинет бесшумно вошла пожилая миловидная секретарша с подносом: две дымящиеся чашки кофе, бутерброды с ветчиной, слойки.